

Александр Терентьев

Субмарина меняет курс...

*Часть сборника
Субмарина меняет курс...
(сборник)*

Александр Николаевич Терентьев

Субмарина меняет курс...

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=438405
Субмарина меняет курс: Вече; М.; 2010
ISBN 978-5-9533-4467-8*

Аннотация

Тонуций и за соломинку готов ухватиться... Вот и главари стремительно идущего ко дну тысячелетнего рейха возлагают свои надежды на широко разрекламированное «чудо-оружие». Только без помощи восточных союзников им не обойтись, поэтому и выходит в дальний и опасный путь океанская субмарина. Но в том, чтобы перехватить ее загадочный груз, кровно заинтересованы и англичане и советская разведка...

Содержание

1	4
2	8
3	11
4	15
5	18
6	25
7	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Александр Терентьев

Субмарина меняет курс

1

Начало 1944 года. Восточная Пруссия

...Волк призрачной тенью проскользнул в тени густого кустарника, осторожно ступая мягкими лапами, поднялся на вершину небольшой горушки, настороженно потянул чуткими ноздрями воздух и затем неторопливо улегся, привычно устроив угловатую голову на вытянутые передние лапы. Желтые умные глаза равнодушно смотрели на знакомые места, где еще не так давно волк был единовластным хозяином. Несколько лет назад, осенью, здесь, в глуши мазурских болот и лесов, появились люди, много людей. Ревела моторами громоздкая техника, рабочие рыли землю, вгрызаясь все глубже и глубже, – похоже, строили огромное логово для неведомого зверя невероятных размеров... Потом стройка закончилась, бетонные бункеры и бараки тщательно замаскировали, обнесли многими рядами колючей проволоки, а все подступы застелили минными полями. Неподалеку расположились два аэродрома, где приземлялись и взлетали самолеты с белыми крестами на крыльях и угловато-паучьей свастикой на хвостовых оперениях – приносили гостей к хозяину логова, а затем вновь уносили их прочь. Наверное, туда, где на востоке глухо погромыхивала канонада, где, по-видимому, шла большая драка между двумя огромными стаями, вожаком одной из которых и скрывался здесь, в темной бетонной норе... Волк вряд ли смог бы объяснить, почему он уже заранее уверен, что та, далекая, стая победит эту – может быть, оттого, что чисто звериным шестым чувством ощущал нервозность и какую-то неуловимую, необъяснимую обреченность, невидимым облаком накрывшую логово нового хозяина этих мест... Старый вожак знал: стая людей сильнее волков и воевать с ними не стоит, глупо – пули сильнее и быстрее клыков. Нужно просто подождать, когда одни двуногие хищники перебьют других, и тогда этот лес, это озеро и болота вновь станут принадлежать волкам – так было всегда и так будет... А ждать и терпеть старый волк умел... Если бы серый умел еще и улыбаться, то непременно ухмыльнулся бы, узнав, что загадочное железобетонное логово носит название «Wolfschanze» – «Волчье логово» – по прихоти верховного главнокомандующего германскими войсками Адольфа Гитлера, устроившего здесь одну из своих ставок...

Вильгельм Кейтель, начальник ОКВ (Oberkommando der Wehrmacht) – верховного командования вермахта, заканчивал свой доклад фюреру, старательно придавая своему лицу выражение непоколебимой уверенности в успехе германской армии; однако реальные факты говорили о том, что для «великого оптимизма» особых оснований нет, и фюрер это прекрасно осознавал...

– Как вы знаете, мой фюрер, положение на восточном фронте складывается довольно серьезное, хотя и не катастрофическое... После отстранения в декабре 42-го фельдмаршала фон Лееба, командующим группой армий «Север» был назначен Георг фон Кюхлер – он блокировал Петербург более двух лет, но в январе русские все-таки прорвали блокаду, а наши войска вынуждены были отойти на уровень линии «Пантера»... На южном и западном участках наши войска также ведут тяжелые бои, – Кейтель добавил в голосе немного озабоченности. – Русские, не считаясь с огромными потерями, стремятся освободить Украину, Белоруссию и выйти к бывшим границам своей страны...

– Достаточно, фельдмаршал... – Гитлер устало шевельнул рукой и окинул присутствующих на совещании офицеров своим знаменитым тяжелым взглядом, почти неизменно вызывавшим в собеседнике легкий трепет и оцепенение. – Я помню и о трудностях на Востоке, и о том, что американцы еще в июле сорок третьего высадились на Сицилии, а теперь грозят отобрать у нас Италию! Я не забыл, что в мае того же сорок третьего наш экспедиционный корпус вынужден был убратся из Африки и теперь мой славный Роммель удерживает для нас Италию... Для нас, а уж никак не для этого болтуна и неудачника Муссолини! Поражения и трудности, бесконечные трудности! Видимо, настает время, когда мы сможем убедиться, достоин ли меня немецкий народ, или же он годится лишь на то, чтобы бесславно погибнуть под ударами наших врагов...

– Мой фюрер, до сих пор провидение помогало вам вести нас к победе и мы все уверены, что оно не оставит вас и впредь – Великая Германия сокрушит всех своих врагов, как бы сильны они ни были! – не замедлил вставить Йодль, начальник оперативного отдела – второй человек в ОКВ.

– Мой Йодль, сейчас не время для красивых фраз, – фюрер слегка поморщился и отыскал взглядом Эриха Шумана, заменявшего на совещании министра вооружения Альберта фон Шпеера. – Профессор, я хочу услышать, что там у нас с давно обещанным вашими учеными «Wunderwaffe» – чудо-оружием? Как продвигается работа, можем ли мы надеяться на успех? Или с атомным проектом произойдет то же самое, что и с хваленными «Фау», – ваши умники вбухали огромные средства в никуда не годные «шипучки», жалкое подобие русских «катюш»?!

Шуман, профессор Берлинского университета, начальник исследовательского отдела в Управлении по вооружению, непосредственно курировавший работы по созданию атомной бомбы, встал, оперся кончиками пальцев о дубовую столешницу, солидно откашлялся и начал хорошо поставленным преподавательским голосом:

– Мой фюрер, прежде всего, осмелюсь уточнить, что работа над «Фау-2» продвигается более чем успешно, и в ближайшее время мы сможем обстреливать Англию! Далее... Полагаю, вы помните, что деление атомного ядра урана открыто Ганном и Штрассманом еще в декабре 1938 года. Это были результаты чисто научных исследований, и они не имели никакого практического применения – учитывая технические возможности, доступные тогда в рейхе, в тот момент не могло быть и речи о создании атомной бомбы! Мы могли лишь вести работы по созданию «атомного реактора-двигателя», для чего были необходимы уран и запасы тяжелой воды. Кстати, завод в Норвегии, где мы производили тяжелую воду, был дважды выведен из строя – сначала партизанами, потом авиацией англичан – и вновь начал работу лишь в конце сорок третьего года... Одновременно во Фрейбурге мы проводили эксперименты по усовершенствованию метода, не требующего тяжелой воды и основанного на увеличении концентрации редкого изотопа урана – урана-235...

– Мой дорогой Шуман, – голос Гитлера прозвучал достаточно мягко, но и профессор, и присутствующие все же отчетливо уловили нотки раздражения, – при всем моем уважении к людям науки, позволю себе напомнить вам, что здесь собрались не физики, а солдаты! Мои генералы мыслят предметно и оперируют конкретными вещами: армиями, корпусами, дивизиями. Танками, подводными лодками и самолетами! Снарядами, торпедами и бомбами, наконец!! Меня не интересует бомба, которую вы сможете создать к пятидесятому году!!! Я хочу услышать ясный и недвусмысленный ответ на простейший вопрос: что ваши люди могут предложить мне сегодня?! Слышите меня, Шуман, – сегодня!!

Профессор, слегка обескураженный и напуганный гневной тирадой фюрера, приписал раздражение вождя извечному недоверию и высокомерному презрению невежественного солдафона к «высоколобым умникам и снобам от науки» и был весьма недалек от истины, хотя существовала еще одна довольно-таки любопытная причина, из-за которой у Гитлера

при слове «профессор» портилось настроение... Лет сорок назад профессора Венской академии художеств указали на дверь юному Адольфу Шикльгруберу, мотивируя отказ «отсутствием выраженного таланта» и «слабостью техники рисунка». Если бы преподаватели академии, среди которых было немало евреев, – что художник-неудачник отметил и накрепко запомнил! – могли заглянуть в будущее и узнать, кем станет этот угрюмый, лупоглазый паренек и во что это выльется для всего мира и для «избранного народа» в частности, то, думается, они силой затащили бы мальчишку в «храм искусств» и выставили ему высшие оценки по всем дисциплинам...

– Да, мой фюрер, я понимаю вас... – Шуман мгновенно сориентировался и твердо заявил: – Вы правы, готовую бомбу невероятной разрушительной силы мы пока еще не можем вам предложить, но кое-что мы в силах сделать уже сегодня!..

Уловив в глазах Гитлера проблеск заинтересованности, профессор живо извлек из кожаной папки несколько фотографий и веером разложил их на столе перед фюрером. Тот с помощью сильной лупы долго рассматривал жутковатые изображения лысых, изможденных, обезображенных неведомой болезнью людей, затем задумчиво кивнул, брезгливо поморщился и передал фотографии участникам совещания. Среди многое повидавших военачальников прошелестел одобрительный шумок, и профессор продолжил с еще большей уверенностью:

– Это результаты воздействия так называемого побочного эффекта атомных исследований – радиации. Эксперименты проводились учеными в лабораториях СС при концлагерях. Побочный эффект оказывается очень даже эффективным, – позволил себе пошутить Шуман. – Это будет страшнее бубонной чумы, в средние века опустошавшей целые провинции! Радиация не имеет ни цвета, ни запаха, ни вкуса, но несет верную медленную гибель в страшных мучениях. Это сама смерть, мой фюрер...

– То есть, вы хотите сказать, мой дорогой герр Шуман, что обычные бомбы, попросту набитые этим самым обогащенным ураном, сброшенные в глубоком тылу противника, пусть и не разнесут могучими взрывами города, но они посеют в них...

– Да, мой фюрер! – лицо профессора чуть озарилось мрачноватой улыбкой, и он, хорошо зная любовь всех присутствующих к красивой и порой даже чересчур напыщенной фразе, с присущей моменту торжественностью кивнул: – Они посеют смерть!

– Хорошо. – Гитлер пожевал губами, словно пробуя идею на вкус, затем обратился к Кейтелю: – Фельдмаршал, каким путем мы могли бы реализовать этот заманчивый проект? И куда, по-вашему, стоит подбросить наши маленькие подарки?

– Полагаю, мой фюрер, что применение этих бомб было бы уместно в густонаселенных промышленных районах России, Америки или Англии... Стратегической авиацией наши «Люфтваффе» не располагают, подводники Деница могут разве что обстрелять торпедами побережья – нерационально! Очень заманчиво было бы засыпать ракетами спесивых британцев, но наши «Фау-2» еще не совсем готовы... Восточный фронт? Там пока слишком нестабильная обстановка: порой мы вынуждены отводить войска на двадцать-тридцать километров за день. Пожалуй, риск слишком уж велик – ведь наши «снаряды» могут попасть в руки русских! Можем ли мы себе это позволить?..

Кейтель был вынужден прерваться на полуслове, поскольку дверь кабинета неслышно приоткрылась и на пороге возник один из адъютантов фюрера – обергруппенфюрер СС Фегеляйн. Не обращая ни малейшего внимания на высокопоставленных гостей хозяина ставки, он подошел к Гитлеру, склоняясь к самому уху, прошептал тому несколько слов и положил на стол лист с текстом радиограммы, только что отпечатанной на машинке со специальным крупным шрифтом – фюрер был очень близорук, но очками пользовался крайне редко.

Гитлер внимательно прочел радиограмму, на мгновение просветлел лицом и, жестом отпуская адъютанта, бывшего «по совместительству» и «своеком» фюрера (поскольку Фегеляйн был женат на сестре Евы Браун, возлюбленной вождя рейха), вновь обратился к начальнику ОКВ:

– Прервитесь на минуту, мой Вильгельм! Только что я получил приятное известие: в один из наших портов благополучно прибыла подводная лодка наших друзей из императорской Японии! Они проделали нелегкий путь в десятки тысяч морских миль через Индийский океан и Атлантику... Само провидение подсказывает нам решение!..

2

...Ночное зябко-сыроватое небо над военным аэродромом в окрестностях Дувра, подсвеченное редкими приглушенными огоньками, дрожало и сотрясалось от гула сотен прогреваемых могучих моторов.

...«Боже, храни Британию, короля Георга и самую малость меня и наш “крейсер”! А черти пусть заберут в преисподнюю поганых нацистов и самую малость потреплют старого дурака Грея, который запихнул меня в эту железяку!» – Капитан королевских ВВС Джим Грей никогда не был особенно верующим или суеверным человеком, но в «доброй старой Англии» традиции прежде всего, это – святое! Если сказано знающими людьми, что перед полетом нужно непременно поплевать на колесо шасси и, уже сидя за штурвалом, прочесть молитву – любую, пусть даже «самодельную», то будь добр исполнять.

– Башня, я – полста шестой, прошу разрешения на взлет! – Ларингофон переговорного устройства еще не согрелся и неприятно холодил щеку. Грей привычно пробежал взглядом по приборам – вроде бы все в порядке: стрелки тахометров дрожат там, где и положено, датчики давления, топлива показывают «норма». Ну, это дело бортинженера...

– Полста шестой, я – Башня... – отозвался дежурный офицер из контрольно-диспетчерского пункта. – Сова, взлет разрешаю! Ветер вам в спину, ребятки!

– Пошел к черту, старый пень... – Капитан потянул рычаг управления дросселями на себя, плавно увеличивая обороты четырех мощных «мерлинов», и шестнадцатитонный «ланкастер» неожиданно легко для такой громадины взял разбег, оторвался от бетонной ленты взлетной полосы и начал быстро набирать высоту, ложась на курс, старательно вычерченный штурманом: северо-восток, потом восток и, в конце пути, юго-восток, где и предстояла работа. Бомбардировщик капитана Грея возглавлял звено из трех самолетов, а всего на работу шли около тридцати звеньев под завязку загруженных «бомбовозов». Конечной целью армады «ланкастеров» была база подводных лодок нацистов на острове Рюген, что прятался в серой мгле Балтики где-то близ Востока...

Диспетчер назвал капитана Грея «Совой» не случайно – на борту «ланкастера» красовалась мастерски изображенная серая сова, известная ночная охотница. Когда-то в детстве Грей, запоем читавший книжки про индейцев, узнал, что был в Канаде такой писатель Серая Сова – настоящий индеец Грей Оул, или Вэша Куоннезин по-индейски. «Тот, кто охотится ночью»... Джим Грей, Грей Оул... почему бы нет? Так же не случайно в своей «молитве» капитан помянул своего деда: когда в сентябре тридцать девятого немцы торпедировали мирный лайнер «Атению» и Британия вступила в войну, старый Грей сердито отшвырнул утреннюю газету, которую неизменно просматривал во время завтрака, и, многозначительно посматривая на внука, объявил: «Эти твари всадили несколько торпед в гражданское судно, а потом еще и расстреливали тонущих людей из пулеметов... Я всегда говорил, что мы еще наплачемся с этим шустрым парнем с челкой! Наши умники все заигрывали с ним, в надежде, что все обойдется... Теперь он показывает зубы и не остановится, пока ему эти волчьи клыки не выбьют! Джим, я бы на твоём месте записался добровольцем в наши славные королевские ВВС – не зря же ты учился в разных колледжах и в летной школе. Пора всыпать этим паршивым нацистам!..» Самое интересное оказалось в том, что дед, месивший грязь в королевской пехоте во время Первой мировой войны, встречался с тем самым Серой Совой, который в составе канадского корпуса тоже воевал на западном фронте – снайпером! Так что, благодаря именно деду, обожавшему в своей жизни только две вещи – бывшую королеву Викторию и свою прокуренную трубку, Грей сидел сейчас за штурвалом «ланкастера», а на борту «бомбовоза» красовалась серая сова...

– Командир, прошли Бельгию, ложимся на боевой курс! Под нами Балтика. Расчетное время – час двадцать пять... – раздался в наушниках голос штурмана.

Грей глянул вниз – ни черта не видно, кроме грязно-серой мглы. Где-то там, внизу, волнуются тоскливо-мрачные воды холодной Балтики, в которых господствуют небритые ребята «папаши Деница» из Кригсмарине – «волчьи стаи» подводных лодок, которые действуют под девизом: «Топи их всех!». Это они, твари, во время «битвы за Атлантику» потопили две трети британского флота, не особенно разбираясь, где военное, а где торгово-грузовое судно. Это, можно сказать, из-за них Англия оказалась чуть ли не в экономической блокаде и в стране были введены карточки на основные виды продуктов и прочую фигню! Но ничего, ребята, мы вам несем не один десяток тонн милых игрушек – от наших гостинцев у вас, гадов, здорово поиспортится настроение!..

Объемистую тушу «ланкастера» неожиданно ощутимо тряхнуло, и тут же Грей увидел чуть в стороне светлые облачка снарядных разрывов, подсвеченных откуда-то снизу голубоватым светом прожекторов, резво шаривших среди ночной мглы, пытаясь выцелить-высветить пролетающие бомбардировщики.

– Сэр, под нами немецкий конвой! Или патруль – черт их разберет! – в уши ударил встревоженный штурманский басок. – Кажется, малый крейсер и пара эсминцев... Вот же лупят, черти их порви!!

– Понял вас, штурман... – капитан мягко начал класть «ланкастер» в разворот с одновременным набором высоты. – Стрелки, полная готовность! Не щелкайте там клювом – где-нибудь тут и «мессершмитты» их крутятся!

Словно в ответ на слова командира слева по курсу протянулись стремительно-дымные пунктиры пулевых трасс, и тут же заработали все четыре пулемета в хвостовой турели – ага, сзади, значит, зашли! Внизу погромыхивали и высверкивали огненными всполохами корабельные орудия, то справа, то слева рвались снаряды, а где-то совсем рядом злобными невидимками с мерзким воем проносились на форсаже немецкие истребители. Ну, не такие уж они и невидимки – одного кто-то все-таки «перечеркнул» доброй очередью из «браунингов»! «Мессершмитт» густо задымил и, волоча за собой огненно-дымный шлейф, ушел, пикируя, куда-то в темноту. Второму «мессеру» повезло еще меньше: этот, заходя на атаку, словно намеренно напоролся на плотную стену заградительного огня «ланкастеров», и буквально развалился в воздухе, как-то нелепо кувыряясь и теряя плоскости, помеченные белыми крестами... Когда Грей увидел третий «мессершмитт», то на мгновение почувствовал то же самое, что, вероятно, должен испытывать человек, которому за шиворот высыпали пригоршню льда – затылок стремительно обдало нестерпимым холодом и, казалось, волосы на голове взъерошились, как у волка на загривке... Этот пилот был или асом, или безмозглым новичком, страстно мечтающим заработать крест из рук жирного Геринга: шел чуть снизу по восходящей, практически в лоб, поливая из всех своих пушек и пулеметов! Если ему удастся его сумасшедший маневр и он расшибет фонарь кабины пилотов, то и «ланкастеру», и всей семерке экипажа крышка!.. Не удалось, слава богу, – стрелок из передней турели не зря ест свой усиленный паек: дымные нити трассеров вспороли брюхо истребителя и тот, окутываясь огненной вспышкой, на долю секунды завис в серой мгле и свалился в пике... Неплохо, подумал капитан, с трудом переводя дух, – деду бы наверняка понравилось!

Стычка закончилась так же неожиданно, как и началась – морским лоханкам до самолета все-таки далековато, а истребители тоже не дураки – получили по зубам и смылись...

– Сэр, расчетное время – двадцать минут! – доложил штурман.

– Всем боевая готовность! – объявил всему экипажу Грей. – Старки, что у тебя?

– Бомбардир готов, сэр! – откликнулся стрелок передней башни, он же и «главный бомбометатель».

В рассветной сероватой мути уже отчетливо угадывались очертания береговой линии Рюгена... Вот, кажется, и главная цель вырисовывается – длинные пирсы и доки, прикрытые бетонными колпаками, в которых «спят» длинные обтекаемые тела «морских волков». Теперь стоит опасаться береговой зенитной артиллерии: там тоже не наивные мальчишки несут боевое дежурство – наверняка уже засекли «гостей»...

– Сэр, срочное радио из Дувра! – в голосе радиста отчетливо слышалось недоумение. – Они нам приказывают отменить налет на базу Рюгена!

– Какого черта?! Они что там – шотландского нахлебались?! Мы уже практически над целью! Запроси подтверждение...

Еще через пару минут радист подтвердил приказ командования: базу подводных лодок ни в коем случае не бомбить! А чтобы «рейс» не получился «холостым» и «гостинцы» не пропали, командование передало координаты новой цели: какой-то чертов Засниц – это на окраине Рюгена в полусотне миль на север от «нашей» базы...

Тяжелые «ланкастеры» вновь набрали высоту и легли на новый курс – приказы не обсуждаются... Грей недовольно пожал плечами и тут же ухмыльнулся, в очередной раз вспомнив деда: тот любит в подобных случаях говорить: «Если ты чем-то недоволен, парень, то можешь смело шевелить большим пальцем на левой ноге! Но не более того...» Да, ребятам с базы подлодок сегодня здорово повезло, а вот неведомому Засницу – совсем наоборот...

3

Этот неприметный особнячок в одном из пригородов Берлина ничем не отличался бы от десятков подобных домиков на тихой Линденштрассе, если бы не одна любопытная подробность: никто из соседей так толком и не знал, кто же является хозяином аккуратного двухэтажного здания, обнесенного красивой чугунной решеткой, но самые любопытные не раз и не два замечали, как в ворота дома под старыми липами въезжали и выезжали легковые автомобили самых разных марок – от скромных «опелей» до вальяжно-заносчивых «хорьхов». Люди понимающие подмечали и стремление прибывающих в особняк гостей лишний раз не «светиться» перед соседями, и номера автомобилей, по которым любой дорожный полицейский мгновенно вычислял принадлежность машины к всеильной службе СД. Соответственно, многие догадывались, что и особнячок, вероятно, напрямую связан с этим ведомством, но дальше неясных догадок любопытство жителей Линденштрассе не простиралось и вслух о своих соображениях никто не говорил, поскольку любопытство в рейхе – вещь весьма вредная и наказуемая, а кроме того, аббревиатура СД прочно ассоциировалась с другой, не менее серьезной «контрой» – гестапо...

Сегодня в роли хозяина особняка выступал сорокачетырехлетний мужчина с заурядной внешностью, из-за которой его легко можно было бы принять за скучноватого школьного учителя, если бы не одно весьма важное обстоятельство: на «учителе» красовался светло-серый мундир рейхсфюрера СС. Под стать рейхсфюреру был и главный гость – гроССадмирал Карл Дениц. Еще двое гостей были рангом поскромнее: один в морской форме с погонами корветенкапитана, другой – в черном мундире СС с кубиками-звездочками штурмбаннфюрера в левой петлице. Оба звания соответствовали рангу пехотного майора.

В небольшом уютном кабинете, обставленном скромной, без излишеств, мебелью, царил полумрак – лампа под стеклянным абажуром освещала лишь стол, за которым расположилась четверка военных. Дверь неслышно отворилась, и в кабинет вошел один из адъютантов-телохранителей Гимmlера с подносом, на котором теснились горячий кофейник с чашками и бутылка коньяка в компании крохотных рюмочек. Телохранитель с ловкостью профессионального официанта расставил все принесенное на столе и, после одобрительного кивка рейхсфюрера, бесшумно удалился.

Рейхсфюрер, исполняя роль радушного хозяина, собственноручно разлил кофе по чашечкам, плеснул в четыре рюмашки коньяка и, сделав приглашающий жест, продолжил свою речь, прерванную появлением адъютанта.

– На чем я остановился, господа? Ах, да, – совещание в «Вольфшанце»... Так вот, мой дорогой Карл, наши ученые, оказывается, способны не только клянчить деньги и дорогостоящие материалы на свои псевдонаучные исследования и нести заумный бред – иногда в их головах появляются и светлые идеи! Вы, господа, – Гимmlер блеснул стеклышками пенсне в сторону младших офицеров, – вероятно, не раз слышали разговоры о «чудо-оружии»... Так вот, похоже, наступил момент, когда мы от слов можем перейти к реальным делам! Фюрер настроен весьма решительно – давно пора показать нашим противникам, что их временные успехи не более чем случайное стечение обстоятельств, а великий рейх могуч как никогда! Как вы знаете, гроССадмирал, в доках вашей базы на острове Рюген сейчас находится подводная лодка наших японских друзей...

– Да, рейхсфюрер, – настороженно кивнул Дениц, долгое время командовавший подводным флотом Германии, а после отставки Редера в сорок третьем возглавивший весь Кригсмарине – военно-морской флот рейха, хотя подводники так и остались его любимцами. – После трудного океанского похода они весьма нуждаются в отдыхе. Кроме того, кое-какой

мелкий ремонт... Только вот, простите, я не очень улавливаю, какая же связь между «чудо-оружием» и японской субмариной?

– Самая прямая, Дениц! С японским командованием уже достигнута предварительная договоренность... Сегодня мы располагаем большими запасами обогащенного урана – не упомяну уж, какие там цифры... – а наши друзья-самураи славятся своими мужественными летчиками! Проект весьма перспективный и одобрен самим фюрером, – Гиммлер на секунду повернул голову в сторону портрета Гитлера, красовавшегося на стене. – До сих пор наше союзничество с Японией напоминало вялотекущий роман, так что настала пора придать ему живости! Мы погрузим на их субмарину груз урана, он прибудет в империю Хирохито... Там они под нашим наблюдением набьют десяток-другой самолетов взрывчаткой и ураном, и отважные пилоты атакуют врага! Даже если их самолеты и собьют еще на подлете к целям – это ничего не изменит: уран, рассеянный на территории противника, вызовет десятки тысяч смертей... Японцы давно уже носятся с идеей создания специальных ударных отрядов летчиков-смертников. Как же они их называют... а, камикадзе! Кажется, «камикадзе» переводится как «божественный ветер»? Так вот, этот «ветер» принесет ничего не подозревающим врагам гибель...

– Если планируется использовать японских летчиков-смертников, то цель, как я понимаю, американские базы на Тихом океане? – Гроссадмирал пытливо посмотрел на Гиммлера.

– Нет, уважаемый гроссадмирал... Русские!

– Полагаете, японцы на это пойдут? – с сомнением покачал головой Дениц и тут же пренебрежительно усмехнулся. – Союзнички... Макаронники Муссолини мастерски умеют лишь сдаваться в плен – их не бил только ленивый! А насчет Японии... Позволю себе напомнить вам, уважаемый господин рейхсфюрер, что нашему фюреру, несмотря на все усилия, так и не удалось уговорить их открыть второй фронт против Советов на Дальнем Востоке – они заключили в апреле сорок первого пакт о ненападении с Россией и так за все эти годы и не нарушили его. Вместо этого они ввязались в идиотскую войну со Штатами на Тихом океане! Вот если бы вместо Перл-Харбора был русский Владивосток... Сдается мне, что на наши интересы им решительно наплевать – японцам гораздо дороже свои амбиции в Азии! И вообще, черт возьми, они вечно улыбаются, кланяются, а что у них на уме – никто не знает...

– Дорогой Карл, вы не так уж и далеки от истины, – улыбнулся Гиммлер. – Скажу вам по секрету, господа, наш фюрер около года назад весьма раздраженно заявил, что «верить тому, что японцы говорят, нельзя ни на грош – они могут наврать с три короба и все, что они сообщают, потом оказывается обманом!» Да, наши «верные союзники» предпочли больше не связываться с Советами после того, как те хорошенько потрепали их на Хасане и Халхин-Голе... Но сегодня ситуация несколько иная! В Китае есть множество мест, пригодных для полевых аэродромов – бескрайние степи, практически незаселенные... Я имею в виду Внутреннюю Монголию, не оккупированную японцами и не контролируемую Гоминданом: это, по сути, нейтральные территории. Создание аэродрома не потребует практически никаких затрат: достаточно передвижного КДП, нескольких топливозаправщиков и ветки узкоколейки... Японцы согласились выделить нам десяток-другой самолетов с пилотами-камикадзе... – рейхсфюрер достал из бокового ящика карту, разложил ее на столе и ткнул карандашом в несколько точек: – Радиус действия этих самолетов достаточен, чтобы нанести удары по промышленным центрам русского Дальнего Востока и парализовать их работу. Системы ПВО у русских там слабые, удара они явно не ждут! На самолетах будут опознавательные знаки «люфтваффе», а ответственность за удары мы сразу же возьмем на себя, чем прикроем союзников от гнева Сталина. Кроме того, японцы наверняка сумеют ловко обвинить во всем Чан Кайши – Советы и коммунистический Китай считают его ренегатом и изменником... Японцам наш удар выгоден в любом случае: рано или поздно русские

вместе с красным Китаем выступят против них и тогда может случиться так, что «могучая» Квантунская армия полетит вверх тормашками! Извините, господа, за столь длинную «лекцию» – я заканчиваю... Итак, на сегодня самое важное – доставить груз в один из китайских портов, контролируемых нашими японскими друзьями! Все остальное будет не так уж и сложно... А теперь прошу высказываться! Я знаю, что на флоте есть обычай выслушивать в первую очередь младших офицеров, чтобы на их мнение не оказывали преждевременного и нежелательного давления слова и авторитет старших. Поскольку ваши звания в принципе одинаковы, то, полагаю, слово мы предоставим штурмбаннфюреру – он чуточку моложе нашего флотского майора... Прошу вас, Кремер! Кстати, напомните мне, пожалуйста, за что вы награждены этим крестом?

Рейхсфюрер СС с нескрываемой симпатией окинул взглядом штурмбаннфюрера: чуть выше среднего роста, крепкого телосложения, светло-русые волосы, аккуратно зачесанные назад, в серых внимательных глазах – «айскальт унд фанатиш», «ледяной холод и здоровый фанатизм» – неперемненные качества, свойственные, по определению фюрера, истинному арийцу. Несомненно, умен. Лицо немного портят разве что тонкие губы и небольшой шрам на левой щеке – почти точно такой же, как и у любимца Гитлера Отто Скорцени... Только вот «первый диверсант рейха» свой шрам заработал в юношеской глупой дуэли, а этот – в настоящем бою... На лице Гимmlера проскользнула тонкая улыбка – штурмбаннфюрера Вальтера Кремера рекомендовал для выполнения задания «особой важности» именно Скорцени, рейхсфюрер уже подробно ознакомился с досье майора СС и прекрасно знал, за какие заслуги тот награжден Железным крестом первого класса, который красуется на левом кармане черного мундира с ромбиком «СД» на рукаве, однако не мог отказать себе в удовольствии лишний раз напомнить этим «морским волкам», что ребята из «Ваффен СС» тоже кое на что способны...

– Это за операцию по освобождению дуче в июле прошлого года, господин рейхсфюрер! Я тогда был послан нашей службой в его подразделения особого назначения на стажировку и таким образом... Это – тоже оттуда, – Кремер, стоявший перед высоким начальством навтыжку, с чуть смущенной улыбкой тронул пальцами шрам. – Муссолини мы освободили почти без единого выстрела. Почти... Теперь по поводу наших друзей: простите, господин рейхсфюрер, но я настроен несколько скептически... Нет-нет, я нисколько не сомневаюсь в действенности великолепной идеи фюрера, но я никак не могу полностью доверять... скажем так, не арийцам... Я понимаю, что они наши союзники и все такое, но... извините, не верю!

– Хорошо, Кремер, садитесь, – Гимmlер кивнул и приглашающе взглянул на «майора морского»: плотного мужчину лет на пять постарше штурмбаннфюрера, с тяжелым, настоящим взглядом темных глаз. – Корветенкапитан?

– Корветенкапитан Георг Хейтц! – капитан третьего ранга учтиво кивнул и слегка прищелкнул каблуками. – С планом я согласен полностью, господин рейхсфюрер! Да, возможно, его будет непросто осуществить, но игра, по-моему, стоит свеч: в случае удачи мы здорово потреплем Советы... Несомненно, риск существует, но ведь смогли же японцы провести свою посудину из Нагасаки до Рюгена – почему бы и не проделать то же самое в обратную сторону? Извините за банальность, но кто не рискует, тот не пьет шампанского, господа! И, думаю, господин гроссадмирал не рассердится на меня, если я скажу, что Кригсмарине готовы оказать им всяческую поддержку и помощь... Я – за, господа!

Дениц покосился на карту, в задумчивости побарабанил пальцами по краю стола и с сомнением покачал головой – уж ему как никому другому были известны трудности и опасности столь долгого перехода через всю Атлантику, откуда его подводникам не так давно все-таки пришлось уносить ноги после нескольких лет почти безраздельного господства.

– Путь слишком долог, друзья, и, боюсь, вы не очень ясно представляете себе, что такое длительное автономное плавание... Может случиться все что угодно. В северной Атлантике их могут запросто потопить англичане... Другие пути, как я понимаю, не рассматривались?

– Фюреру этот вариант доставки показался оптимальным, – немного нажал голосом Гиммлер, не преминув отметить для себя, что гроссадмирал, пожалуй, перебирает с осторожностью и не сказал, по сути, ни «да» ни «нет». – Теперь по поводу ваших сомнений, Кремер... В чем-то вы, безусловно, правы, но в данном случае следует быть выше расовой неприязни – дело стоит того! Скажу больше: для того чтобы насолить русским, я готов заключить договор с кем угодно – даже с черномазыми любого цвета и оттенка! Теперь о деле, господа... Мы намерены, естественно, контролировать всю операцию. И контролировать ее будете вы, корветенкапитан, и вы, штурмбаннфюрер! На вас, Хейтц, ложится задача присмотреть за проводкой субмарины до японских вод, а вы, Кремер, будете отвечать за доставку груза во Внутреннюю Монголию и прочее... Кроме того... С вами в плавание отправится еще один человек – у него будет своя, отдельная задача. Завтра же вам надлежит отправиться на Рюген! Вопросы, господа? Что ж, прекрасно! Да поможет вам Бог, или, как там говорят вы, моряки... семь футов под килем?

4

Москва, Кремль, Ставка Верховного главнокомандующего

...В кабинете повисла тягостная тишина. Почему-то про такие моменты внезапного затишья в оживленной беседе принято говорить: «ангел пролетел...». Вот только сообщения-доклады руководителей различных отделов военной разведки Верховному трудно было бы назвать «оживленной беседой», и ангелы в этом просторном кабинете вряд ли летали...

Сталин, не обращая ни малейшего внимания на притихших в почтительном ожидании генералов и полковников, с намеренно замедленной тщательностью набивал трубку: доставал из черно-зеленой пачки «Герцеговины флор» папиросы, привычно ломал их, разрывая тонкую прозрачную бумагу, и крошил духовитый табак в чубук, старательно приминая его сухими, чуть желтоватыми пальцами... Затем в густой тишине шикнула спичка, Верховный несколько раз пыхнул дымком, «растягивая» трубку, и наконец не поднимая глаз, спросил:

– Что сообщают ваши люди о последних контактах немцев с японцами?

Начальник разведуправления Генштаба РККА, в ведении которого была советская агентура, внедренная практически во все институты рейха и почти во все подразделения вермахта, Люфтваффе и Кригсмарине, мельком заглянул в разложенные на столе бумаги и негромко доложил:

– На сегодняшний день нам точно известно, что в доках на острове Рюген отстает японская океаническая подводная лодка. До сорок первого года немцы поставляли Японии военную технику: двигатели для самолетов, прицелы для бомбометания, торпеды и прочее... Японцы взамен давали стратегическое сырье: вольфрам, олово, каучук, опиум для фармацевтических заводов Германии. После сорок первого немцы пытались маскировать свои караваны флагами и маркировкой нейтралов, но к началу текущего года они потеряли больше половины своих транспортных судов, поэтому пытаются использовать подводный флот, но много ли на подлодке увезешь... Наш человек сообщает, что якобы на самом верху было какое-то совещание и речь на нем опять шла о «чудо-оружии» – этим термином немцы называют свои разработки по производству ракет «Фау» и попытки ученых создать атомную бомбу, но нам точно известно, что с ракетами у них дела идут пока неважно, а о скором создании бомбы даже и речи быть не может... Тем не менее «вундерваффе» наш источник упоминает именно в связи с японской лодкой!

– Меня мало интересует опиум, товарищ Ильичев, – недовольным тоном проворчал Сталин. – А вот о непонятной возне вокруг японской лодки хотелось бы услышать что-нибудь поконкретнее!

– Мы подключили все наши каналы, товарищ Сталин! Люди работают и, надеюсь, в ближайшие дни все прояснится...

– То, что ваши люди работают, – это хорошо... – Верховный пыхнул трубкой, и голубоватое облачко ароматного дыма поплыло в сторону наркома НКВД, до сих пор молча сидевшего за столом. – Плохо, что, по-видимому, не только ваши! Вот товарищ Берия сообщил мне, что на днях англичане собирались бомбить базу на этом острове... Сотня бомбардировщиков подошла к Рюгену, а затем резко поменяла направление и вместо базы ушла бомбить Засниц! Почему? Почему англичане в последний момент поменяли объект атаки? В Заснице стояли несколько сторожевиков, торпедных катеров и старый ржавый эсминец... И ради этой кучи хлама стоило поднимать сотню бомбардировщиков?! Из пушки – по воробьям? Нерационально, а ведь, как мы хорошо знаем, господа капиталисты умеют считать каждую копейку... Значит, была какая-то веская причина... Какая?

– Товарищ Верховный главнокомандующий, – осторожно пожал плечами Берия, – у нас пока нет более точной информации на этот счет...

– А надо, товарищ Берия, чтобы была! Англичан запрашивать, понятное дело, бесполезно: у них свои интересы и игры свои – Черчилль только пыхтит да отмалчивается... Запросите вашего человека еще раз: пусть объяснит, если сможет, поточнее и поподробнее – что там задумали немцы? Сейчас, когда наши войска выходят к западным границам и всему миру становится ясно, что фашистской Германии так или иначе в недалеком будущем конец, немцы будут хвататься за любую соломинку и будут готовы на все, лишь бы оттянуть свой неминуемый крах... Японцы завязли в драке с американцами и вряд ли посмеют сунуться к нашим границам, но мы должны предусмотреть все, даже самые невозможные варианты... Этот... что передал шифровку о лодке, – вы ему верите, товарищ Берия?

Берия нахмурился и бросил на Верховного недоуменный взгляд, стекла пенсне недовольно блеснули – зачем Коба именно так ставит вопрос? Почему «вы», а не просто «ему можно верить?». И причем здесь товарищ Берия, если вообще-то это человек Ильичева? Ох, как не любил нарком такие вот простенькие вопросы, хотя и сам любил задавать их подчиненным, ставя человека буквально на лезвие ножа... Скажешь «верю», а человек-то и скурвится, продаст или расколется под пытками – с кого тогда спрос? «А почему вы, товарищ, поручились за врага?! Вы не умеете подбирать людей, или тут кое-что похуже – пособничество и укрывательство?» Разве сегодня умный человек станет за кого бы то ни было ручаться? Где в наших кремлевских кабинетах найдешь таких простых и доверчивых? Всех «простых и доверчивых» хозяин убрал руками Ежова еще в конце тридцатых, а потом Лаврентию пришлось кончать и с пьяным уродом Колей – «мавр сделал свое дело...». Или все гораздо проще: Коба играет в строгость, хочет показать этим далеко не глупым генералам, прекрасно осведомленным о наших давних дружеских отношениях, что для него во время работы нет друзей и никому поблажек и послаблений не будет – интересы дела прежде всего, а провинившимся и не справившимся головы будут снимать невзирая на чины, ранги и, тем более, бывшее приятельство... А уж что-что, а виноватых хозяин всегда умел отыскивать как никто другой! Чего одна расправа над командующим западным округом Павловым и прочими генералами в сорок первом стоила, на которых Сталин и Мехлис «повесили» ответственность за то, что Гитлер как мальчишку обманул хозяина и за пару месяцев допер почти до Москвы! Тогда, в июне, Сталин напоминал ошеломленного, растерянного цыгана, у которого наглые мужики из-под носа украли лошадь... Сегодня Коба другой... Недаром русские говорят, что «за одного битого двух небитых дают»: научились и обороняться, и бить врага, и разведка наша ни прославленной английской, ни немецкой не уступит... А Сталин теперь напоминает не глупого цыгана, а скорее матерого желтоглазого тигра – чуть потрепанного, но невероятно коварного и опасного... И, пожалуй, главная заслуга Сталина и состоит в том, что он сумел тогда взять себя в руки, сумел мобилизовать всю страну и создал-таки мощную машину, которая скоро раздавит Германию как гнилой грецкий орех!..

На аккуратном-округлом лице товарища Берия застыло обычное выражение деловитости и почтительного внимания, а в глазах, устремленных на Хозяина, промелькнула странная смесь обожания, недоумения и – где-то на самом доньшке – страха... «Да он гений! – вдруг совсем не к месту подумалось всесильному наркому. – Сколько раз “товарищи по партии” обзывали его недоучкой и серой посредственностью? Троцкий, так тот и вовсе Кобу за человека не считал! И где теперь наш блестящий оратор “товагищ Тгоцкий”?! Где Бухарин, Рыков, Зиновьев с Каменевым, где все остальные “кировы-косиоры” и прочие “большевики-ленинцы”? Где Фрунзе, Дзержинский, Крупская? Где Тухачевский, Егоров, Корк, Блюхер?! Никого нет... Нет! Кого-то по велению Хозяина убрали, кто-то сам “вовремя” умер... Тигр сумел сожрать всех и восседает на Олимпе один! Настоящий Тимур – великий Хромой... Вот тебе и “серая посредственность”! А что, в истории всегда так: новый правитель в

первую очередь уничтожает всех потенциальных претендентов на корону! Какой-то король родного брата в бочке с вином утопил – наверное, хорошее вино испортил, сволочь... Наш князек Святополк после смерти папаши сразу же братьев начал резать, но что-то там у него не сложилось и пришлось дураку бежать... к венграм, что ли, – там где-то и сгинул, а в народной памяти так и остался Окаянным... А этот – мудрец, Макиавелли обзавидовался бы! Хотя... С маршалами он все же маху дал – не стоило их к стенке ставить. Да и остальные сорок тысяч уничтоженных красных командиров нам в сорок первом ох как пригодились бы! Так опять же – вывернулся! Кого-то вовремя из лагерей выдернул, кого-то вознес из ванек взводных и вот вам, пожалуйста, Жуков, Василевский, Рокоссовский – полячок наш дорогой... Молодец Коба... Сам пашет по двадцать часов в сутки и всю страну так работать заставил! Да и страну ведь он создал! Через кровь, через народное “не могу-не хочу” создал державу именно такую, какая виделась и была нужна именно Ему... Сталинский СССР... Нет, все-таки он гений...»

– На мой взгляд, товарищ Сталин, в таких ситуациях трудно говорить о полном доверии... Как говорят в народе: «Доверяй, но проверяй!» Это человек из ведомства Ильичева – полагаю, генерал все-таки лучше знает свою резидентуру... Он заверяет, что источник надежный, но я лично считаю, что любую информацию следует проверять и перепроверять, от кого бы она ни исходила... – осторожно «перевел стрелки» на начальника разведуправления Берия.

– Проверяйте, перепроверяйте, подключайте все службы, но информация в ближайшие дни должна лежать у меня на столе!... – внушительным тоном подытожил Сталин и, в очередной раз начиная «священнодействие» со своей трубкой, негромко сказал: – Вы свободны, товарищи. Работайте...

5

Светло-коричневый «BMW» мягко притормозил перед полосатым шлагбаумом контрольно-пропускного пункта военно-морской базы, стекло водительской двери медленно поползло вниз, и шофер протянул бумаги дежурному унтер-офицеру береговой охраны в обычной форме вермахта, но с якорем на рукаве шинели. Тот внимательно просмотрел пропуск, предписание, наклонился и заглянул в салон «BMW», профессионально-цепким взглядом «ощупал» сидевших сзади двух офицеров в военно-морской и эсэсовской форме, терпеливо ожидавших конца проверки, удовлетворенно кивнул, вернул шоферу бумаги, затем небрежно козырнул и махнул ладонью солдату – шлагбаум тут же взметнулся в положение «подвысь», и машина медленно двинулась на территорию базы...

Склады, мастерские, казармы, каналы, пирсы и доки – все здесь строилось по принципу необходимого минимума плюс наивозможной незаметности и неуязвимости с воздуха. Отсюда лодки прославленных подводников «папаши Карла» уходили на боевое дежурство в Атлантику, на Балтику, добирались до союзных конвоев в холодном Баренцевом море и сюда же возвращались, израсходовав запас торпед – с пустыми емкостями для горючего и порой весьма и весьма потрепанные авиацией и всякого рода морскими охотниками русских и союзников. К началу сорок четвертого немецкие подводные лодки уже никак не могли похвастаться тем, что они безраздельно господствуют «на морях-океанах» – эпоха безнаказанной охоты за транспортом практически по всей Атлантике и европейским морям закончилась... Это в первой половине сорок второго brave ребята Деница довольно лихо обстреливали побережье Америки и топили все подряд корабли, не особенно всматриваясь через перископы в цвета флагов и не делая различия между военными судами и всякими там «торгашами-сухогрузами и пассажирскими корытами». Взметая в ярко-голубое небо густые облака черного вонючего дыма, горели нефтеперерабатывающие заводы и танкеры, и пронзительно-страшно кричали прощальные сиплые гудки расстрелянных торпедами транспортов, уходивших в стильно-мрачную глубину океана. Тогда слова президента Рузвельта, сказанные еще задолго до бойни в Перл-Харборе, еще до вступления США в войну, о том, что «пусть никто из американцев не думает, что Америка избежит войны, что она найдет пощаду, что на западное побережье не нападут...», полностью оправдались... Безнаказанность для «стай морских волков» была вещью весьма приятной, но на этом свете все когда-нибудь кончается: если в сорок втором подводники Деница могли утопить пару сотен кораблей, потеряв всего лишь десяток лодок, то к началу сорок четвертого картина здорово изменилась – союзники подводные лодки немцев научились топить и теперь счет шел почти один к одному! Судовой рейх клепали лодку за лодкой, а их топили одну за другой. К концу войны из 820 немецких подлодок, участвовавших в «битве за Атлантику», 781 погибла. Из 39 тысяч немецких подводников уцелело к маю сорок пятого только семь тысяч: при всей своей заботе о «морских героях рейха», гроссадмирал Дениц не очень-то их жалел: «На войне как на войне», «Deutschland uber alles!» – Германия превыше всего!..

– М-да, дружище Хейтц, веселенькое местечко... – Кремер выбрался из машины, устало потянулся и скептически окинул взглядом серые постройки, стильную грязно-серую воду, неприветливо шумевшую в акватории бухты, продуваемой промозглым сырым балтийским ветром, и мглистые рваные облака, сквозь которые тщетно пытались пробиться бледно-желтые лучи вечернего усталого солнца. – Вообще-то по мне лучше уж сгореть в танке во время веселой заварушки на суше, чем утонуть как крысе в запаянной жестяной банке в этой грязной луже, которую вы, моряки, гордо именуете «морем»!

– С вашего позволения – корветенкапитан Хейтц, штурмбаннфюрер... – сухомерно поправил товарища Хейтц, судя по всему, почувствовавший себя дома – корветенкапитан с

удовольствием вдохнул полной грудью свежего соленого ветра и привычно поднял воротник шинели. – Кажется, мы с вами на брудершафт еще не пили...

– Так в чем проблема! – штурмбаннфюрер многозначительно покачнул объемистым портфелем и язвительно поинтересовался: – А скажите, уважаемый корветенкапитан, вы испытываете такую неприкрытую неприязнь лично ко мне, или вам малосимпатично само учреждение, которое я в данный момент представляю? А вообще-то напрасно вы все это – так или иначе, мы будем какое-то время работать вместе и будем неразлучны, как пара рельсов, у которых одна лишь задача – довести состав до пункта назначения...

– Насколько я знаю, рельсы так никогда и не пересекаются, несмотря на свою задачу. А если я вам скажу, что недолюбливаю ребят с «мертвой головой» на фуражках, тогда что? – Взгляд Хейтца выражал едкую иронию и любопытство одновременно. – Заломаете мне руки и сдадите гестапо?

– Да нет, не сдам. Пока... А что скажу... Скажу, что вы или, извиняюсь, не очень умный человек, или довольно рискованный и отважный. Время покажет – посмотрим... Кажется, нас наконец-то встречают... Не пойму только, кто он по званию – совершенно не разбираюсь в ваших морских штучках?

– Это оберфенрих цур зее – выпускник военно-морского училища, уже исполняющий обязанности офицера, но звание ему еще не присвоили. Нечто вроде «почти лейтенанта». Со временем разберетесь, штурмбаннфюрер! – Хейтц козырнул в ответ на приветствие «почти лейтенанта», бодро отрапортовавшего, что он «уполномочен встретить и проводить уважаемых гостей на японскую субмарину». – Ну что ж, провожайте...

Кремер, не преминув с дружелюбной усмешкой поправить корветенкапитана, что к нему вообще-то следует обращаться «господин штурмбаннфюрер», молча двинулся за моряками куда-то в глубь базы, где, по-видимому, и пряталась от любопытствующих глаз вражеских летчиков могучая океаническая посуда «союзников по оси – тройственному союзу Германии, Италии и Японии»...

Японская субмарина, укрытая невероятных размеров маскировочной сетью, лениво шевелившей под ветерком нашитыми на ней лоскутками, действительно впечатляла своими размерами – чуть более ста двадцати метров, почти вдвое длиннее обычной лодки германского флота серии «U». Офицеры в сопровождении немецкого оберфенриха цур зее поднялись по шатким мосткам на борт лодки, где «почти лейтенант» и сдал гостей на руки хозяев субмарины в лице, естественно, узкоглазого и невысокого лейтенанта японского. Тот четко отдал офицерам дружественного рейха честь, скороговоркой пробормотал что-то вроде «мы рады приветствовать на суверенной японской территории доблестных офицеров германского фюрера» и широким жестом указал на высокую рубку, где виднелась откиннутая большая крышка люка, ведущего в объемистые недра лодки. Кремер обреченно вздохнул, подобрал длинные полы черного кожаного плаща и шагнул вслед за корветенкапитаном и «поводырем» на ступени лесенки, поднимавшейся наверх, не преминув по пути отметить большую группу японцев, суетившихся вокруг открытого грузового люка и загружавших на борт с помощью крана-лебедки какие-то странные ящики, обшитые серыми свинцовыми листами, – погрузка как погрузка, разве что обращались потомки самураев с ящиками с осторожностью невероятной, словно под тонким слоем свинца таились изящные изделия из тончайшего стекла или прозрачно-нежного фарфора...

Капитан лодки полковник Накамура – странно, но у японцев на флоте звания оказались, как пояснил Хейтц, такими же, как и в сухопутных силах, и на петлицах капитана поблескивали три звезды при трех красных просветах – ничуть не напоминал растиражированный карикатуристами образ японца: ни очков, ни громадного размера выступающих зубов, ни маленьких кривых ножек. Накамура был строен, сухощав, лицом тверд и хмур, властный взгляд прикрытых тяжелыми веками глаз был умен и жесток – штурмбаннфю-

рер сразу же про себя окрестил его «настоящим Самураем». Капитан выслушал рапорт прибывших офицеров, деловито кивнул и пригласил «чувствовать себя как дома», а на дежурный вопрос: «Как господину Накамура понравилась наша Балтика?», чуть скривив губы в улыбке, ответил: «Очень красивые, суровые края! Здесь хорошо воевать и умирать, но жить – плохо! Жить нужно в Японии, где красивые сосновые леса, голубое небо, теплое море и великая священная гора Фудзи...» На этом «высочайшая аудиенция» закончилась, и лейтенант повел гостей обустраиваться в отведенной им каюте с гордым наименованием «гостевая каюта», причем на всем протяжении долгого пути по узким коридорам и закоулкам лодки Кремер все никак не мог решить для себя: капитан шутил, или просто издевался над европейцами? Один дьявол знает, когда и что эти азиаты имеют в виду... Вроде бы улыбается, собака, а на самом деле собирается пырнуть тебя... мечом самурайским...

Каюта оказалась невелика: две узкие койки, столик, шкафчик для одежды и неременная гравюра с видом Фудзиямы, морских волн и кривых разлапистых сосен. Кремер скептически оглядел «номер», аккуратно повесил плащ в шкафчик, выложил в крохотную тумбочку несессер и туалетные принадлежности, затем из таинственных недр портфеля была извлечена бутылка желтовато-золотистой жидкости, сверток с бутербродами, после чего штурмбаннфюрер широким жестом указал на столик:

– Прошу вас, господин корветенкапитан! Думаю, нам стоит выпить по рюмке этого чудесного напитка за успешное плавание и за неременные семь футов под килем! Не сомневайтесь, это айнциан – знаменитая баварская водка на травах, любимый напиток нашего уважаемого группенфюрера Мюллера, с которым я работаю, так сказать, в смежных конторах...

– Я не очень люблю водку, – Хейтц виновато пожал плечами, но на сверток с закуской посмотрел с интересом.

– Ах, вот как... Что же вы предпочитаете? Французский коньяк, рейнские вина, английский джин или шотландское виски с дымком? Не бойтесь, я не обвиню вас в измене только лишь потому, что вы любите американскую самогонку вместо нашего яблочного шнапса! Кстати, бригаденфюрер СС Шелленберг курит исключительно американские «Кэмел», но даже старина Мюллер не спешит упрекать его в отсутствии патриотизма... Итак?

– Я вообще-то пиво люблю – нормальное баварское пиво... Но ради такого случая с радостью выпью и вашего айнциана... герр штурмбаннфюрер!

– Вот и славно, господин корветенкапитан, а то мы что-то неправильно ведем себя, а нам еще до-олго работать вместе... – Кремер ловко разлил золотистую водку по сверкающим чистотой стопочкам, хозяйственно разложил на салфетке бутерброды с ветчиной, красной рыбкой и сыром и торжественно провозгласил: – За боевое братство СС и Кригсмарине! Прозит...

Хейтц, несмотря на любовь к баварскому пиву, баварскую водку тоже «признал» и еще более охотно закусил рыбкой и ветчиной, хотя от штурмбаннфюрера не укрылась легкая гримаса, пробежавшая по лицу моряка при словах тоста «за СС».

– Все-таки вы нас не любите, дружище... А вообще-то, за что, а?

– Хотите, чтобы я ответил честно? – Хейтц вопросительно прищурился.

– Естественно, как и подобает между порядочными офицерами...

– А как, по-вашему, должен относиться потомственный военный моряк к ребятам из айнзатцгрупп, которые воюют с бабами и ребятишками, живьем сжигая их из огнеметов?

– Смело... – после некоторого молчания усмехнулся Кремер. – В чем-то даже безрассудно – я бы на вашем месте так, пожалуй, не смог... Хорошо, я отвечу! Во-первых, я уважаю смелых людей с позицией и даю вам слово офицера, что ни словом не упомяну об этом разговоре в рапорте о нашей работе. Во-вторых, я никогда не воевал с бабами и соплевыми детенышами, хотя действия наших айнзатцгрупп всегда были лишь ответными карательными мерами – если жители русской, польской или черт знает какой деревни убивали

немецкого солдата или укрывали солдат вражеских. Или в ответ на бесчинства партизан. Причем партизаны отлично знали, что за их действия ответят мирные жители и все равно вредили немецкой армии! Кроме того... Война – это не марши и парады после небольшой потасовки! Война – это кровь, грязь и смерть! В мирное время мы за убийство сажаем в тюрьму, на войне – убийц награждаем орденами, нет? Подождите, я еще не все сказал! По-вашему, СС – звери... А английские летчики, убивающие своими бомбами немецких детей, миротворцы с цветочками в руках?! А вы, доблестные волки Деница, всаживающие в брюхо мирного круизного лайнера торпеду с тремя сотнями килограммов тротила, «честные солдаты»?! А вы, дружище, слышали, как страшно кричат «чужие» дети, тонущие в океане вместе с этими кораблями?..

Летчик «просто» открывает бомболюк, вы, подводники, «просто» жмете кнопку пуска торпеды и гордитесь, что руки у вас «чистые»! Только вот ведь какая штука получается: и наши летчики очень любят поразвлечься и пострелять из пулеметов по обезумевшим от ужаса, мечущимся по дорогам мирным беженцам; и подводники «героически» расстреливают пытающихся спастись беззащитных пассажиров с торпедированных ими судов; а парни Гудериана просто обожали утешить гусеницами своих танков полевые госпитали русских вместе с ранеными! И после этого вы, герр Хейтц, смеете морщить нос и говорить мне, что у «парней из СС руки в крови по локоть»?! Я бы очень не советовал вам, дружище, выяснять, на чьем мундире больше кровавых пятен – результат может здорово вас огорчить... Так что, не будем считать, кто же из нас худший, кто из нас более «грязный» убийца! Извините за цинизм, дружище Георг, но мы с вами в одной лодке, одно дело делаем... Мы, немцы, все служим Великой Германии и фюреру! Я, вступая в ряды «черных» СС, клялся быть верным солдатом Адольфа Гитлера, и если он прикажет – я без малейших раздумий буду убивать... Вот так, дружище... Еще раз позволю себе напомнить вам: все это – война!

– Да, в одной лодке – каламбур получается, – в голосе корветенкапитана слышалась скорее грусть, чем неприязнь. На этом неприятный разговор и завершился, потому что в дверь каюты деликатно постучался японский унтер-офицер и пригласил «уважаемых господ офицеров» к капитану...

По дороге к хозяину субмарины Хейтц размышлял о том, что эсэсовец излагал, в принципе, все верно, разве что только самую малость лукавил: не то намеренно, не то по забывчивости штурмбаннфюрер не упомянул миллионы евреев, расстрелянных, удушенных в газовых камерах и сожженных в печах концлагерей... Не сказал Кремер и о тысячах и тысячах русских, поляков и многих других, угрожденных в тех же концлагерях. Сюда же можно причислить и десятки тысяч немцев – коммунистов, обычных граждан, просто несогласных с режимом, наконец, калек и душевнобольных, которых тоже «убрали в целях очищения нации от человеческого гнилого хлама»! О подвалах гестапо в мрачном здании на Принц-Альбрехтштрассе моряку даже и вспоминать не хотелось... И все это – СС, «верные черные овчарки фюрера»... В сравнении с делами СС тонущие корабли, страшные бомбежки и летчики союзников, которых согласно приказу Геринга расстреливали на месте наряду с диверсантами-парашютистами, уже не казались корветенкапитану такими уж преступлениями – что поделаешь, действительно война...

На этот раз Накамура пригласил офицеров в штурманскую рубку, где хозяин субмарины сразу же затеял лишь одним им понятный разговор-совещание с корветенкапитаном, и штурмбаннфюрер мгновенно заскучал, вынужденный выслушивать все эти «мили, кабельтовы, фарватеры» и прочие морские термины, которыми сыпали «морские волки», шустро вышагивая блестящим циркулем по картам морских и океанических коммуникаций.

– Так... Через Кильский канал мы выходим в Северное море, а там... Нам главное благополучно миновать Па-де-Кале... Ла-Манш, затем Бискайский залив – там масса неприят-

ных сюрпризов в виде минных заграждений, противолодочных сетей, не говоря уже о шастающих там морских охотниках англичан... Потом мы обогнем южную оконечность Африки и дальше вот сюда – так получается на тыщонку миль больше, зато безопаснее...

Будем держаться чуть в стороне от основных «дорог» – вполне вероятно, что о нашем походе могут разнюхать союзники и тогда они сделают все, чтобы попытаться заставить всплыть и далее захватить лодку вместе с грузом! Или утопить, в конце концов...

– Господа офицеры, – решительно прервал беседу капитанов эсэсовец, мгновенно наостривший уши при последних словах Накамуры, – прошу прощения, что вторгаюсь в ваш увлекательный разговор, но вынужден вам сообщить, что мной получен строжайший приказ рейхсфюрера: ни в коем случае не допустить захвата подводной лодки противником! При любой реальной опасности корабль должен быть уничтожен вместе с грузом и, естественно, экипажем!

– Уважаемый господин штурмбаннфюрер... – после некоторого молчания, во время которого японец недоуменно переглянулся с Хейтцем, начал Накамура на хорошем немецком, произнося слова своей речи чуть замедленно и преувеличенно внятно, словно втолковывал всем известные и понятные вещи недоумку. При этом в суженных глазах «самурая» плескались явно нешуточные жесткость и угроза: – Весьма сожалею, что вынужден говорить вам эти, любому моряку известные, вещи, что на любом судне есть только один хозяин – капитан! Он – первый после Бога. И только он может принимать решения и казнить и милловать! Повторяю – только капитан! А все остальные беспрекословно выполняют его приказы, не смея и думать о какой-либо самостоятельности!! Надеюсь, мы поняли друг друга, господин представитель уважаемого рейхсфюрера... Кроме того, мы отнюдь не собираемся становиться легкой добычей для врагов – гроссадмирал Дениц, понимающий в военно-морском деле все же немножечко больше господина Гиммлера, придумал замечательный план, который позволит нам слегка одурачить противника...

– Герр Кремер, неужели вы думаете, что мы стремимся поскорее попасть в лапы союзников и сдаться? – насмешливо улыбаясь, примирительным тоном сказал корветенкапитан. – Уж поверьте, герр штурмбаннфюрер, мы хотим успешно провести субмарину в порт назначения ничуть не меньше вас... и не меньше герра рейхсфюрера!

– И мы ее проведем! – суровая и так далеко не ласковым лицом, подытожил Накамура, невольно подтверждая факт создания некоей «коалиции» моряков против выскочек из СД, сующих свои длинные носы куда надо и куда не следовало бы... – В этом вам ручаюсь я – полковник Накамура, капитан императорского флота Японии!..

Хлопотливо стучали-лопотали мощные компрессоры, нагнетая в огромные баллоны японской подлодки сжатый воздух, наполнялись пресной водой цистерны, а через черные масляные шланги в объемистые танки вливались последние литры солярного топлива...

...Корветенкапитан вместе с эсэсовцем небрежно облокотились на леерные ограждения высоко поднимавшейся над корпусом лодки рубки и неторопливо докуривали «прощальные» сигареты, наблюдая, как четко и слаженно, без ненужной суеты, работает команда Накамуры, готовя лодку к отплытию, или – как машинально поправил Кремера Хейтц – к выходу в море, поскольку корабли не «плавают», а именно «ходят». Штурмбаннфюрер добросовестно пытался запомнить, что на подлодке потолок именуется «подволоком», что вообще на любых судах нет «повара», «туалета», «веревки» и «ограждений», а есть кок, гальюн, конец и леера, но быстро запутался и на все свои попытки «перековаться в морского волка» попросту со смехом махнул рукой. Особенно развеселило эсэсовца сообщение, что на флоте нет команды «отдать концы!» – есть «отдать швартовы!», а концы, как оказалось, «держат, вяжут, принимают и бросают»! После этого курса «морского ликбеза» Кремер окончательно признал, что в капитаны он не годится, и добавил, что отсутствие команды «отдать концы»

его решительно успокоило, и он теперь всецело доверяет «настоящим морякам» – капитану Накамура и корветенкапитану Хейтцу...

Мглистое солнце на несколько минут проглянуло сквозь рваные низкие облака, мутно-серым одеялом затянувшие небо над Балтикой, и с интересом рассматривало длиннющую подводную лодку, медленно вытягивающую под мерный рокот дизелей свою обтекаемую тушу из-под маскировочной сети – словно сама покровительница Японии, богиня Аматерасу, благословляла подлодку «Сен-Току» на нелегкое плавание в мрачных глубинах океана...

Прозвучали последние команды, с глухим стуком, смягченным толстыми резиновыми уплотнителями, захлопнулись последние люки, и подлодка, безропотно подчиняясь капитанскому приказу «срочное погружение!», приняла в свои цистерны балласт, повернула горизонтальные рули-плавники и, влекомая шестнадцатью тысячами лошадиных сил, упрятанных в двух могучих дизелях, медленно ушла под воду... Ни шумного, сверкающего медью оркестра, выдувающего бравурные марши, ни прощальной тревожно-пронзительной сирены корабельного ревуна – ничего этого не было. Загадочная дама по имени «Тайна» не терпит лишнего шума, ведь от него бывают только неприятности...

Кроме странного груза в свинцовых ящиках и двух немецких офицеров «Сен-Току» уносила в глубину еще одного непонятного гостя: средних лет крепкий мужчина в чуть мешковатом гражданском костюме, большую часть времени проводивший в своей отдельной «каморке-каюте» и в разговоры ни с корветенкапитаном, ни с эсэсовцем не вступавший, – мужчина вежливо раскланивался, учтиво улыбался, но знакомиться с товарищами по путешествию не спешил. Единственное, что все-таки удалось выяснить, так это то, что незнакомец прекрасно говорит по-немецки и является представителем самого рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера. Узнав о существовании непонятного «конкурента», штурмбаннфюрер явно почувствовал себя уязвленным и пробормотал что-то вроде: «СД ему мало, прислал еще какого-то бандита...»

После короткого совещания по поводу внешности незнакомца, моряк и эсэсовец сошлись во мнении, что мужчина явно не японец, но, безусловно, тоже восточных, монголоидных кровей, на что Кремер тут же язвительно пошутил: «Да хоть черномазый из Алабамы, лишь бы он не оказался арабским убийцей-ассасином или индусом из секты душителей!»

Обтекаемая туша «Сен-Току» ходко шла в морских глубинах, распугивая серебристые рыбные стаи, а в ее теплом, тускло освещенном нутре пассажиры укладывались спать.

– Кстати, герр корветенкапитан, вы не храпите? – настроенный благодушно после парочки рюмашек доброго айнциана, поинтересовался у соседа по каюте Кремер. – Нет? Ну и замечательно, а то я сплю очень уж чутко, а выспаться хочется чертовски... Да, и вот еще что... Надеюсь, мы отныне если и не закадычные друзья, то уж не враги точно! А если я все-таки немножечко ошибаюсь, то хочу заранее вас предупредить: если вдруг вам захочется меня придушить ночью, то имейте в виду – я переломаю вам руки еще до того, как они коснутся моего нежного горла... – Эсэсовец сладостно потянулся, протяжно зевнул и, уже засыпая, проворчал: – нет, в танке все-таки лучше, черт меня подери...

«...Вот и все, ребята... Люки задраены, лодка на глубине, и никуда ты, милоч, отсюда не денешься! Как говаривали товарищи в теплой Испании: “Патриа о муэртэ! Но пассаран!” – “Родина или смерть! Они не пройдут!” Там “они” все-таки прошли, собаки фашистские... Там целые интербригады бились на нашей стороне, а вот здесь я – один. И просто сдохнуть я не имею никакого права: я должен доказать, что и один в поле – воин! Как Ильюшка Муромец – вышел в поле, махнул молодецкой рученькой и побил рать неисчислимую... Рать в поле мне, конечно, не побить, но задание я выполняю... Только воевать придется по завету товарища Суворова – не числом, а умением! Это невероятно трудно и опасно, но я буду воевать, и в этой войне для меня есть только два слова: “наступление” и “победа”...

Другие, вроде “не могу больше, братцы!” и “все пропало, нам конец!” – я просто забуду...
Иначе нельзя, никак нельзя...» – засыпая, думал советский разведчик...

6

Блетчли-Парк, пригород Лондона. Станция дешифровки королевских ВМС

...С тех самых пор, как человечество изобрело письменность, появилась и необходимость в тайнописи, поскольку людям из торговых, дипломатических и уж тем более из военных кругов всегда найдется, что скрывать от любопытных глаз. Так появились различной сложности шифры и всякого рода «симпатические» тайные чернила, простейшим образцом которых является самое обычное молоко, с помощью которого Владимир Ульянов-Ленин и писал в узилище свои «воззвания и указания товарищам на воле». А поскольку одним из самых распространенных пороков во все времена являлось любопытство, особенно свойственное дипломатам и военным, всегда утверждавшим, что «миром владеет именно тот, кто владеет информацией», то сразу же за возникновением шифровок появились люди и даже целые службы, разгадыванием этих шифров и занимавшиеся. Называют людей этой загадочно-секретной профессии криптологами, что на обычном языке будет означать «шифровальщики» и «дешифровальщики»...

В рейхе штат криптологов содержала каждая из уважавших себя служб, причем самые сильные специалисты работали в «Люфтваффе» Геринга, в абвере и в разведке Кригсмарине. В Главном имперском управлении безопасности – РСХА подобная служба была, вопреки ожиданиям и самой логике, самой малочисленной и слабой, из-за чего работники в черной эсэсовской форме частенько вынуждены были испрашивать разрешения у Кальтенбруннера, сменившего в сорок втором Гейдриха, и обращаться к «более богатым» соседям...

О значении перехвата и расшифровки радиообмена противника между командованием и частями свидетельствует уже послевоенное признание начальника оперативного отдела ОКВ А. Йодля: «Основную массу разведанных о ходе войны – около девяноста процентов – составляли материалы радиоразведки и опросы военнопленных. Радиоразведка – как активный перехват, так и дешифрование – играла особую роль в самом начале войны, но и до последнего времени не теряла своего значения...»

Первого ноября 1940 года немецкий рейдер «Атлантис» атаковал и захватил английский пароход «Отомедон», после чего немцам достались гора сов. секретных документов, в том числе и кодовая книга для чтения шифров британского флота. В гряде бумаг обнаружили и оперативные планы англичан на случай войны с Японией, которые немцы не замедлили переслать в Токио, после чего благодарный император Хирохито торжественно наградил командира «Атлантика» самурайским мечом – такой великой чести удостоились еще всего лишь два немца: рейхсмаршал Геринг и фельдмаршал Роммель – «Лис пустыни»...

Поскольку разработка новых кодов требовала серьезных времени и средств, то корабли британцев, например, даже зная, что немцы «читают» их переговоры, использовали старые коды, что привело к потере сотен кораблей с грузами и гибели около 30 тысяч английских моряков.

В Кригсмарине перехватывали информацию, расшифровывали и на основе полученных данных разрабатывали операции, наподобие мартовской сорок третьего года, когда «волки Деница» силами сорока подлодок практически уничтожили два союзных конвоя НХ-229 и SC-122, причем союзники потеряли двадцать одно судно, а на базу не вернулась всего лишь одна подводная лодка...

Шифры совершенствовались и невероятно усложнялись, изобретались универсальные шифровальные машинки вроде прославленной «Энигмы», но всегда почему-то получалось так, что «враг не дремлет» и на любой «яд» почти сразу же находилось «противоядие». На

фоне этих «противостояний разведок» весьма показателен опыт американцев, отыскавших гениальный по простоте и надежности ход: во время драки с японцами, что развернулась на Тихоокеанских просторах, ушлые американцы посадили в радиорубки радистов, которые все до единого были индейцами из племени навахо и «шпарили в эфире по-своему» – практически открытым текстом, но язык навахо оказался мудрым японцам не по зубам...

Английские специалисты тоже не ели свой военный паек даром: ими была проведена серьезная операция по дешифровке немецкого шифратора «Энигма», что позволило криптологам вскрыть военно-морские коды нацистов, а полученная таким образом возможность «читать» радиообмен немецких кораблей и подводных лодок здорово помогла союзникам во время «битвы за Атлантику», хотя гораздо уместнее было бы назвать ее бойней, поскольку в период с сентября 39#го года до лета 41#го немцы фактически хозяйничали на всех морских дорогах и отправили на дно большую часть английского торгового флота...

Майор Уильям Скотт, раздраженно шурша листами бумаги, просматривал дешифровки перехваченного радиообмена немецких кораблей и подлодок со своими базами и штабами. Все не то! Вот сообщают о выходе пяти подлодок на перехват каких-то транспортов, вот рапорт о результатах налета английских ВВС на какие-то склады в Тронхейме... А это явно интенданты болтали: какая-то шестая база просит подвезти продовольствие и специальные утепленные комбинезоны для подводников – на северные коммуникации, к русским в Баренцево собрались?.. Так-так... Ага, а вот это уже на что-то похоже!.. Одиночная субмарина вышла с базы – это не рейдер и отправилась она уж точно не на охоту за конвоями! На «охоту» они выходят только стаями – тактика папаша Деница известна. Она?.. Похоже на то... И ушла-то субмарина с острова Рюген, который наши ребята тогда запретили «ланкастерам» бомбить! Одиночная субмарина с острова Рюген... Точно она, собака!

– Вот эта лодка... – майор ткнул листок бумаги чуть ли не в лицо дежурному дешифровщику. – Откуда она выходила на связь в последний раз?

– Та-ак... Вот отсюда, – немолодой мужчина с погонами лейтенанта, явно призванный в королевские вооруженные силы из запаса, ткнул пальцем в точку на карте. – Северное море, миль шестьдесят от побережья Нидерландов...

– Отлично, лейтенант! Я хочу, чтобы вы слушали ее днем и ночью, не отвлекаясь ни на минуту! Фильтруйте эфир и слушайте, слушайте! Мне нужна эта лодка!

Майор подошел к столу, заваленному картонными папками с распечатками перехваченных переговоров противника, пробормотал что-то вроде «развели тут бардак...» и начал накручивать рукоятку телефона. Когда на той стороне провода отозвался деловито-сухой голос телефонистки, дежурившей на коммутаторе штаба королевских ВМС, майор назвал пароль на текущий день, свой личный номер и попросил соединить его с заместителем начальника штаба. «Мисс» деловито сообщила, что «соединяет», и через пару секунд майор уже кричал в черный микрофон трубки:

– Рад вас приветствовать, сэр! Кажется, наши ребята ее нащупали, господин капитан второго ранга... Да, перехватили... В Северном море... И у ваших что-то есть?! Да? И акустики утверждают, что, судя по шуму винтов, это подлодка намного крупнее обычных? Океаническая субмарина... Это точно? Сэр, клянусь Тауэром, черт нас всех подери, это она! Все сходится! Вы же знаете, какая шумиха вокруг этой проклятой подводной лодки поднялась у нас в MI-5! Думаю, в ближайшее время наши боссы договорятся, свяжутся с летчиками и все силы будут брошены на поиски этой лоханки... Нет-нет, только не топить, что вы, сэр, – как раз эта лодка нужна нам целехонькой! Как-как... Да так – найдут и заставят всплыть, а уж после этого и в плен возьмут... Ну, это уже их забота – пусть придумывают способы! Все, конец связи, сэр...

7

Юго-западный район Северного моря

– Уж не на свидание ли с милой фройляйн? – Кремер, небрежно раскинувшийся на своей узенькой койке, заложил руки за голову и несмешливо посматривал на корветенкапитана, с истинно немецкой дотошностью приводившего в порядок свой мундир.

– Увы, герр штурмбаннфюрер... – Хейтц прицепил к поясу кортик, надел фуражку с белым верхом и сухо добавил: – Во время похода самое страшное после глубинных бомб – это безделье. У меня – вахта. Буду помогать нашим японским друзьям.

– Черт побери, как это я запомнил: вы же на службу ходите... А без вас они, конечно, пропадут! Бедняги: им ведь из самого Нагасаки пришлось шлепать по морям-океанам до нашего Рюгена – и все это они вынуждены были проделать без вас, уважаемый герр Хейтц! Ужас! И как это они уцелели... ума не приложу...

– Вы совершенно напрасно ерничаете и пытаетесь меня задеть – ваши подковырки меня не трогают, – хладнокровно заявил корветенкапитан. – Японцы без меня, конечно, прекрасно обойдутся – они хорошие моряки, но я неплохо знаю лоции европейских прибрежных вод и кое в чем все же могу быть им полезен... А почему бы и вам не найти себе какое-либо занятие, а? Изучить азы морской навигации, например? Или хотя бы просто хорошенько ознакомиться с устройством субмарины, посмотреть, как моряки несут службу...

– Службу они, каналы узкоглазые, несут замечательно! – ухмыльнулся Кремер. – Я тут, между прочим, попытался было поболтать с нашим загадочным Чингисханом, что все время прячется в отдельной каюте, но он этак вежливенько улыбнулся и – шасть в свою каморку! И замочком щелкнул. Тоже мне, «железная маска»... Тогда я решил пройтись по отсекам, полюбопытствовать, как охраняется наш «свинцовый» груз. Замечательно охраняется! Я думал, часовой меня пристрелит, обезьяна поганая! Глазки сузил, автоматом затряс да как зашипит что-то по-своему, сволочь желтая... Так что, я туда больше не ходок, тем более, насколько я понял, господину Накамура не очень-то нравится, когда я «шастаю» по его владениям... А знаете что? Возьмите меня с собой на эту... на вашу вахту! Поскольку я ничего не умею и не понимаю, я буду бить вам склянки... Видите, сколько «морских» слов я уже выучил! Я уже почти готов сдавать экзамен на «морского волка», но одна вещь постоянно, ежеминутно портит мне настроение – в этой проклятой бочке нельзя курить!

– Хорошо, герр Кремер, приглашаю вас разделить со мной вахту. Кроме того, сегодня ночью мы всплывем и какое-то время пойдем в надводном положении – нужно подзарядить аккумуляторы и провентилировать отсеки. Так что, вы, герр штурмбаннфюрер, сможете накуриться до одурения, – понимающе улыбнулся Хейтц. – Хотя, скажу вам по секрету, наши подводники иногда позволяют себе сигаретку-другую и в морских глубинах, если есть лишний патрон регенерации воздуха или когда они знают, что в любую минуту могут всплыть без опасений быть атакованными врагом...

Одним из неудобств во время передвижения внутри подводной лодки являются довольно-таки узкие проходы и люки между отсеками, в которые приходится нырять, сгибаясь чуть ли не в три погибели, постоянно рискуя расшибить себе лоб. Подводники, знающие «в лицо» каждую заклепку своей субмарины и набегавшие по ее отсекам не один десяток морских миль, передвигаются быстро, ловко и порой даже с элегантно небрежностью. Но человеку «сухопутному» на первых порах приходится трудно – тут уж не обойтись без парочки-другой ссадин и шишек...

Приняв мужественное решение «превращаться в морского волка», Кремер по пути в штурманскую рубку засыпал корветенкапитана вопросами, которые у моряка неизменно

вызывали снисходительную улыбку, но Хейтц тут же вспоминал, что имеет дело с классической «сухопутной крысой», которая даже не в курсе, что морская миля составляет 1853 метра – то есть длиннее обычной на двести сорок четыре метра, а кабельтов есть одна десятая от морской мили... Вспоминал, прятал улыбку и начинал объяснять простейшие вещи, например: подводная лодка погружается за счет того, что принимает в специальные цистерны забортную воду – балласт, а всплывает после того, как с помощью сжатого воздуха выдавливает из этих цистерн балласт. Направление движения лодки регулируется вертикальными и горизонтальными рулями, которые работают по тому же принципу, что и рули обычного самолета – суть стихий-то родственна. Двигается субмарина с помощью двух дизелей, или идет на электродвигателях – это гораздо бесшумнее, но приходится постоянно всплывать на подзарядку батарей, электролит которых к тому же отнюдь не делает воздух в отсеках чище... Затем корветенкапитан в двух словах попробовал объяснить, как подлодка ориентируется в глубинах морей-океанов, но штурмбаннфюрер, до сих пор еще что-то понимавший, мгновенно запутался в «гироскопах, течениях и магнитных склонениях» и, переставая изображать прилежного ученика, решительно послал «штурманскую науку» ко всем чертям! Когда же Хейтц начал рассказывать, что лодку может угробить столкновение с подводной скалой, глубинная бомба с вражеского эсминца, бомба или торпеда, сброшенная с самолета, подводная магнитная мина, мина якорная, которую моряки зовут «рогатой смертью», Кремер шутливо вскинул руки, сдаваясь, и категорически заявил: «Стоп машина, герр корветенкапитан! Как любят поговаривать попы, “излишние знания несут много печали!”». Мне совсем не интересно, какой бомбой англичане могут разнести мою бедную голову! И я не хочу в ужасе прислушиваться по ночам, не скрежещет ли по борту ваша “рогатая смерть”! Давайте лучше опять что-нибудь про надводное положение, подзарядку батарей при луне и про курение на свежем воздухе...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.